
ВЕРА
ЛАДОНИНА
Второй
мужчина
Знаменитые любовники,
повлиявшие на ход истории
18+

Вера Ладонина

Второй мужчина: Знаменитые любовники, повлиявшие на ход истории

https://litres.ru/74709438
SelfPub; 2026

Аннотация

ВТОРОЙ МУЖЧИНА: Знаменитые любовники, повлиявшие на ход истории

Что происходит с мужчиной, когда его возлюбленная обладает властью, богатством или влиянием, недоступными ему самому?

Но что на самом деле происходило за пределами официальных биографий?

Кем был мужчина рядом с могущественной женщиной — любимым человеком, фаворитом, союзником или человеком, который просто оказался в нужном месте в нужное время? Где заканчивалась любовь и начинался расчёт?

«Второй мужчина» — это истории знаменитых любовников, оказавшихся рядом с женщинами, которые обладали властью, влиянием или исключительным положением в обществе.

Это книга о любви, которая редко оставалась только любовью. О мужчинах, которым женщины помогали подняться,

и о мужчинах, которые сами становились для них опорой, союзниками и иногда — политической силой.

Потому что в истории не всегда главным оказывается тот, кто стоит на первом месте.

Иногда всё самое интересное происходит рядом с ним.

Вера Ладонина
Второй мужчина: Знаменитые любовники, повлиявшие на ход истории

Глава 1

Введение

Историю обычно пишут от лица тех, кто стоял на первом плане. Мы помним императоров и королей, полководцев и президентов, революционеров, завоевателей и наследников престола. Их имена оказываются в учебниках, их портреты висят в музеях, а события их жизни становятся удобными точками отсчёта для целых эпох. Когда речь идёт о женщине, оказавшейся у власти, происходит примерно то же самое: мы запоминаем её имя, рассматриваем её портреты, читаем о её реформах, войнах, фаворитах и политических решениях. Но рядом с такими женщинами нередко находился мужчина, чьё присутствие было гораздо важнее, чем может показаться по официальной биографии.

Он мог быть любовником, фаворитом, другом, советником или человеком, которому доверяли тайны. Иногда он

оставался в тени сознательно, иногда его отодвигали туда обстоятельства, а иногда он сам не замечал, как из частной истории превращается в часть большой политики. Его положение зависело от женщины, но и женщина порой нуждалась в нём не меньше: он мог привести на её сторону нужных людей, передать важную информацию, поддержать её в момент опасности, открыть перед ней двери, которые без него оставались бы закрытыми. Бывали случаи, когда такой мужчина получал благодаря отношениям состояние, титул и карьеру, а бывало и наоборот — женщина получала от него нечто гораздо более существенное, чем любовную привязанность.

Именно поэтому история знаменитых любовников интереснее обычного перечня придворных фаворитов. Нас здесь интересуют не мужчины, прославившиеся количеством любовных побед, и не коллекция красивых романов, которыми можно развлечься на досуге. Нам интересны отношения, в которых личное чувство каким-то образом соприкоснулось с историей: повлияло на решение, карьеру, войну, дипломатический союз, культурную жизнь или судьбу целой страны.

Григорий Орлов — один из самых наглядных примеров. Сегодня его чаще всего вспоминают как фаворита Екатерины II, однако это определение слишком мало говорит о человеке, который стоял рядом с ней в 1762 году, когда решалась судьба российского престола. Орлов был одним из главных участников дворцового переворота, после которого Екатерина стала императрицей; затем он получил графский ти-

тул, высокие должности и огромное влияние при дворе. Его портреты этого времени показывают человека, который уже успел превратиться из молодого гвардейского офицера в одного из самых заметных людей новой эпохи.

Но в этой истории есть вопрос, который обычно остаётся за пределами парадных биографий: что происходило между двумя людьми, когда один из них становился всё могущественнее, а положение другого зависело от его личного расположения?

Такой вопрос особенно интересен потому, что власть редко оставляет отношения между людьми такими, какими они были в начале. Пока Екатерина оставалась великой княгиней, Орлов был её любовником и одним из людей, которым она доверяла. После переворота он оказался рядом уже с императрицей. Его личная близость к ней превратилась в политический ресурс, а любовь — в обстоятельство, способное изменить социальное положение человека. Он получил титул и должности, а их отношения стали частью придворной политики. У них родился сын, однако брак, о котором Екатерина, по свидетельству Русского музея, думала, так и не состоялся.

На этом месте особенно хорошо видно, насколько условным бывает слово «второй».

Второй мужчина не обязательно был второстепенным. Иногда он стоял рядом с женщиной, которая сама находилась в центре истории, и именно поэтому его имя оказалось

там же. Он мог не иметь короны, но иметь доступ к человеку с короной; не принимать решения официально, но участвовать в разговорах, после которых решения принимались; не командовать государством, но обладать влиянием, которое трудно измерить государственными должностями.

Более того, положение такого мужчины всегда было противоречивым. Чем ближе он находился к власти, тем больше зависел от неё. Чем больше получал благодаря женщине, тем сильнее окружающие могли считать его человеком, обязанным своим возвышением исключительно её милости. Если же он действительно обладал способностями и самостоятельно участвовал в политике, ему всё равно приходилось существовать в тени отношений, которые привели его ко двору. История могла запомнить его как государственного деятеля, военачальника или покровителя искусства, но рядом с именем почти неизбежно появлялось другое имя — имя женщины, которая когда-то впустила его в свою жизнь.

В этом отношении судьбы знаменитых любовников часто оказываются не менее драматичными, чем судьбы знаменитых любовниц. Женщина, ставшая фавориткой короля, могла получить богатство и титул, но одновременно рисковала своей репутацией, безопасностью и будущим детей. Мужчина, оказавшийся рядом с могущественной женщиной, сталкивался с другими опасностями: завистью придворных, политическими интригами, необходимостью постоянно подтверждать собственную полезность и страхом перед тем

днём, когда на его месте окажется другой.

А другой почти всегда находился.

При дворах Европы существовало множество мужчин, чья карьера была связана с женщиной, обладавшей властью или исключительным влиянием. Одни действительно были любовниками, другие оставались в этой роли лишь по слухам, третьи начинали как любовники, а заканчивали как самостоятельные политические фигуры. В некоторых случаях отношения были взаимной любовью, в других — союзом, где нежность соседствовала с расчётом. Иногда мужчина использовал женщину, иногда женщина использовала мужчину, а чаще всего оба прекрасно понимали, что получают друг от друга, и не считали необходимым разделять любовь и выгоду.

Именно поэтому в этой книге мы не будем искать ответ на простой вопрос: «Любила ли она его?»

Гораздо интереснее спросить: **кем он стал рядом с ней?**

Получил ли он власть, которой не имел прежде? Помогла ли она ему подняться? Изменил ли он её решения

Григорий Орлов
Мужчина рядом с троном

Весной 1759 года в Петербург прибыл прусский пленный граф Шверин. Его сопровождал конвой, среди офицеров которого был молодой гвардейский артиллерист Григорий Орлов. Ему было двадцать пять лет, за плечами уже была Семи-

летняя война и ранение, полученное в сражении при Цорндорфе, а впереди — совершенно обычная, как тогда казалось, военная карьера. Орлов происходил не из древнейшего русского дворянства и не принадлежал к числу тех людей, для которых придворная жизнь была естественным продолжением семейного положения.

Он был вторым из пяти братьев Орловых, служил в лейб-гвардии Семёновском полку, затем перешёл в артиллерию и постепенно продвигался по службе. В Петербурге он оказался человеком заметным прежде всего своей внешностью и физической силой: современники и позднейшие биографы описывали его как высокого, широкоплечего, исключительно крепкого мужчину, и именно таким он остался на портретах — человеком, в котором военная выправка сочеталась с той привлекательностью, которую трудно не заметить при дворе.

Именно там его впервые увидела великая княгиня Екатерина Алексеевна.

Она тоже пока не была той Екатериной, которую знает история. В 1759 году она оставалась женой наследника престола, человеком, чьё будущее зависело от обстоятельств, которые она не могла полностью контролировать. Её брак с Петром Фёдоровичем складывался тяжело, отношения супругов давно перестали быть близкими, а сама Екатерина постепенно привыкала к мысли, что рассчитывать ей следует прежде всего на себя. При дворе у неё уже складывался

собственный круг знакомств, собственные симпатии и антипатии, собственное представление о людях, которым можно доверять. Появление Орлова в этом окружении оказалось для неё важнее, чем могла предположить она сама и, вероятно, чем мог предположить он.

В XVIII веке любовная связь при дворе редко оставалась исключительно частным делом. Дворец был устроен так, что близость к влиятельному человеку почти неизбежно превращалась в доступ к информации, знакомствам и возможностям, которые были недоступны остальным. Особенно это было заметно в окружении женщин, обладавших самостоятельным политическим влиянием. Екатерина ещё не была императрицей, однако уже тогда внимательно наблюдала за людьми, которые её окружали, и постепенно создавала собственную сеть доверия. Орлов, молодой офицер и брат нескольких столь же деятельных гвардейцев, оказался в этой сети не только как мужчина, к которому она испытывала сильное личное чувство, но и как человек, связанный с военной средой.

Их отношения довольно быстро стали известны близкому кругу. Позднее у Екатерины и Орлова родился сын Алексей, будущий граф Бобринский. Но в тот момент, когда их связь только начиналась, никто ещё не мог знать, насколько далеко она зайдёт. Екатерина была замужем, Орлов был офицером, а российский престол занимал человек, от которого зависело положение обоих. Любовная история могла закончиться

так же быстро, как начиналась, если бы политические обстоятельства не придали ей совершенно иной смысл.

Эти обстоятельства изменились после смерти Елизаветы Петровны в 1761 году. На престол вступил Пётр III, и то, что прежде было сложным семейным отношением между мужем и женой, стало вопросом государственной безопасности. Новый император проводил политику, которая вызывала недовольство части дворянства и гвардии, а Екатерина постепенно оказалась в положении, когда её собственное будущее зависело от того, насколько сильными окажутся её сторонники. Вокруг неё сформировался круг заговорщиков, и среди людей, которые готовили переворот, братья Орловы заняли одно из центральных мест.

Для Григория Орлова это был момент, когда личная преданность Екатерине должна была пройти совершенно иной проверкой. Пока он оставался её любовником, цена ошибки измерялась придворным скандалом, потерей расположения или карьерой. Теперь речь шла уже о заговоре против императора. Если бы он потерпел неудачу, последствия могли оказаться смертельными не только для него самого, но и для всей семьи Орловых.

В ночь на 28 июня 1762 года Екатерина покинула Петергоф и направилась в Петербург. Гвардейские полки поддержали её, а вскоре она была провозглашена императрицей. Орлов оказался среди главных участников событий, которые привели её к престолу. Русский музей прямо называет его

одним из главных действующих лиц дворцового переворота 1762 года.

После этого положение Орлова изменилось настолько стремительно, что ещё несколько лет спустя его собственная биография могла бы показаться неправдоподобной. Молодой офицер превратился в графа, генерал-адъютанта, а затем генерал-фельдцейхмейстера. Он получил огромные земельные владения, награды и возможность участвовать в государственных делах. В 1772 году он был возведён в княжеское достоинство, а его имя стало неотделимо от ранних лет царствования Екатерины.

Однако богатство и должности были только внешней стороной перемены. Гораздо важнее было другое: Орлов оказался одним из тех немногих мужчин, которые могли войти к императрице без предварительного приглашения, разговаривать с ней без церемоний и рассчитывать на её личное расположение. В обществе, где придворная дистанция определяла практически каждое движение человека, подобная близость сама по себе была формой власти.

Екатерина не стремилась превратить Орлова в декоративного фаворита. Он занимался государственными делами, руководил учреждениями, был президентом Вольного экономического общества, состоял в Совете при высочайшем дворе и продолжал играть заметную роль в государственной жизни. На портрете, написанном после переворота, он изображён уже не молодым офицером, каким пришёл когда-то в

Петербург, а человеком, который прекрасно понимает цену своего нового положения: на груди у него ордена, через плечо проходит голубая лента Андрея Первозванного, а в медальоне он носит миниатюрный портрет Екатерины.

Этот маленький портрет императрицы особенно выразителен. Для придворного XVIII века награды и знаки отличия рассказывали о человеке почти столько же, сколько его лицо. Орлов носил на груди не только свидетельства своей службы, но и изображение женщины, благодаря которой его жизнь изменилась. В этом сочетании было что-то очень характерное для их отношений: государственная власть и личная близость существовали рядом, но никогда полностью не сливались.

Екатерина могла сделать Орлова богатым и влиятельным человеком, но она не могла без последствий сделать его своим мужем. Их сын Алексей был живым доказательством близости между ними, однако официального брака не последовало. Екатерина действительно выражала желание обвенчаться с Орловым, но против такого союза выступили влиятельные придворные. Никита Панин, воспитатель наследника Павла Петровича и один из наиболее влиятельных государственных деятелей начала царствования Екатерины, сформулировал отношение двора предельно ясно: императрица может делать то, что считает нужным, но госпожа Орлова российской императрицей не станет.

За этой фразой стояло гораздо больше, чем придворная

сплетня. Екатерина могла возвысить Орлова, потому что возвышение фаворита зависело от её личной воли. Но брак менял саму природу его положения. Муж императрицы становился уже не просто близким человеком и не просто государственным деятелем, а частью официальной конструкции власти. Для двора это означало бы признание того, что бывший гвардейский офицер, ещё недавно находившийся в совершенно ином социальном положении, теперь получил статус, сопоставимый с положением самой правящей династии. С этим готовы были смириться далеко не все.

При этом Орлов не был человеком, которого Екатерина могла просто оставить в стороне после того, как отношения между ними начали меняться. Он уже слишком много значил в её жизни и слишком прочно вошёл в государственную систему. Для него были созданы условия, которые позволяли оставаться влиятельным и после утраты прежней близости с императрицей. В 1768 году Екатерина распорядилась начать строительство Мраморного дворца — одного из самых роскошных зданий Петербурга того времени. Дворец предназначался Орлову, но он умер в 1783 году, за два года до окончания строительства.

Тем временем рядом с Екатериной появился другой человек — Григорий Потёмкин. И это было не просто появление нового фаворита. С Потёмкиным отношения Екатерины постепенно приобрели иной характер: он стал не только её близким человеком, но и одним из наиболее значительных

государственных деятелей эпохи. Орлов, который когда-то помог ей получить престол, постепенно перестал быть главным мужчиной в её жизни.

Для самого Орлова это, должно быть, было особенно трудно принять именно потому, что его положение никогда не строилось исключительно на придворной милости. Он участвовал в перевороте, занимал государственные должности, пользовался огромным богатством и обладал собственным влиянием. Но фаворит, каким бы могущественным он ни был, всегда сталкивался с неприятной особенностью своего положения: его власть была тесно связана с человеком, чьё личное расположение когда-то эту власть создало.

История Орлова поэтому гораздо сложнее привычного сюжета о красивом мужчине, который стал богатым благодаря любви императрицы. Он действительно получил от Екатерины огромное состояние и положение, о которых в молодости едва ли мог мечтать, но и Екатерина получила от него нечто, чего не мог дать ей никакой подарок и никакая дипломатическая услуга. В решающий момент он оказался рядом с ней, когда ставка была настолько высока, что ошибка могла стоить им обоим жизни. Их связь была одновременно любовной и политической, личной и государственной, и именно поэтому её невозможно объяснить только словом «фаворит».

В конечном счёте Екатерина осталась на троне, а Орлов остался рядом с ним — достаточно близко, чтобы изменить

собственную судьбу и повлиять на судьбу страны, но недостаточно близко, чтобы получить то, чего, возможно, хотел больше всего: официальное место рядом с женщиной, которой помог стать императрицей.

Мраморный дворец, построенный для него, пережил и Екатерину, и самого Орлова. Сегодня его можно воспринимать как один из памятников екатерининской эпохи, но в истории его создания есть личная история двух людей, чьи отношения когда-то были настолько важны, что для одного из них решили построить целый дворец. Орлов до окончания строительства не дожил, а Екатерина спустя годы распорядилась выкупить здание у его наследников.

Так закончилась история первого большого мужчины рядом с Екатериной.

Он не стал её мужем, хотя был отцом её сына. Не сохранил положение главного фаворита, хотя был одним из тех, кто помог ей получить корону. И не остался самым влиятельным человеком при дворе, хотя в первые годы её правления его влияние было огромным.

Но именно Орлов оказался рядом в тот момент, когда Екатерине требовался не просто возлюбленный, а человек, готовый рискнуть вместе с ней всем.

В этом смысле его место в её биографии действительно трудно назвать второстепенным.